

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

© 1999 г., ЭО, № 1

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ БАСИЛОВ

*Все, кто в этот мир приходят, не останутся, уйдут.
Да помянут тех достойно, кто достойно прожил тут!*

.....

*Все уйдем, не в этом дело. Как уйдем – куда важней:
Будут помнить ли могилу, позабудут ли о ней.*

Амир Хосров Дехлеви

Та жизнь, которую он прожил с нами, – одна единственная, все прочие – иные, и сколько бы их ни было, эта не повторится никогда. Он ушел от нас, и мы плачем, жалеем его, а еще больше – себя без него, ибо вряд ли в иных измерениях мы когда-либо встретимся. Хотя и это не невозможно. Впрочем, знать нам это не дано.

Владимир Николаевич, Володя, Володька... Мне больше нравилось последнее имя, оно шло тебе, соответствовало твоей иронической улыбке. Правда, в последние годы она все чаще бывала грустной, какая-то усталость – не конкретная, а «вообще» – тяготила тебя, да и жизнь особо не располагала к юмору: в стране черт знает что происходит, да и в родном институте тоже. Когда мы говорили об этом, в твоих глазах появлялась жесткость, а в голосе – горечь. Ты очень четко, иногда в терминах экспрессивной лексики (зная, что я ее принимаю и люблю) формулировал, что происходит вокруг. У тебя даже был какой-то план действий: что надо, а что не надо делать, но кого это интересовало...

Я тебя помню разным: заботливым, готовым поделиться своей радостью с другими, вальяжно-обходительным с дамами (любого возраста, что особенно ценно), умеющим ценить свое и чужое время, готовым и к шуткам и к серьезным делам, но всегда даже в мелочах ответственным лично за все, что так или иначе имело к тебе отношение. Надежность – вот что было для меня в тебе главным. С тобой у меня связаны воспоминания, в которых, казалось бы, нет ничего эдакого, но память почему-то любовно бережет именно их, высвечивая каким-то особым светом.

Япония, 1982 год, выставка «Степной шелковый путь». Наша команда – очередная смена экспертов, три сотрудника Института этнографии – приехала в Киото. Добирались долго – самолетом от Москвы до Хабаровска, оттуда поездом до Находки, кораблем двое суток в семибалльный шторм от Находки до Йокогамы, и вот, наконец, суперскоростной поезд «Нодзоми» высадил нас на платформе Киото прямо в твои «объятия». Был вечер – первый вечер первого дня для каждого из нас троих, впервые приехавших в Японию. Но ты был тут уже несколько месяцев и не только знал назубок каждый экспонат выставки, но и каждый переулок, каждый храм и парк, каждую маленькую закусочную, которыми так вкусна Япония. Дав нам слегка отдохнуть с дороги, ты предложил: «Хотите сразу почувствовать настоящую Японию?» Кто же от такого предложения откажется: через несколько минут мы входим в маленькую забегаловку, откуда неслись волнующие запахи восточной кухни. Чувствовалось, что ты бывал здесь не раз и не случайно нас сюда привел. Одетая в традиционное японское кимоно с прической со средневековых гравюр хозяйка ласково проворковала по-японски приглашение войти, и вот мы уже сидим по одну сторону стойки, а по другую она готовит что-то персонально для нас, и это «что-то» шипит, шкворчит и изумительно пахнет. С тех пор я съела много японской еды, но эту помню как первое знакомство с экзотической кухней не менее экзотической страны. Узнав от тебя, что мы только сегодня прибыли в Японию, хозяйка прошлась перед нами в ритме плавного танца, а потом спела милую и грустную старинную песню. От обилия впечатлений мы окончательно разомлели. В какой-то момент я поймала твой взгляд: иронически наблюдая за нашими довольными лицами, ты испытывал сам явное удовольствие, устроив для нас маленький праздник личного открытия Японии.

И снова Япония. Ночной ресторан с игривым названием «Все можно». Однажды проф. Като, заботливо опекавший нас и нашу выставку, привел на нее своего друга – владельца крупной электрокомпании. Выставка ему понравилась, последовала ответная акция – приглашение группы экспертов в ресторан. Обитые серым плюшем стены и пол приглушали звуки. Угощают водкой в соответствии со стереотипным представлением, что иных напитков русские не пьют. Впрочем, водка была в экспортном исполнении, к тому же ледяная, а потому отличная. А закусь подкачала: что-то сладкое, конфетообразное. После нескольких рюмок все развеселились. Внезапно родилась идея спеть что-нибудь русское. Но что? Никто далее первого куплета не помнит. И вдруг ты предложил: «Наташка, давай-ка "Очи черные"! Я начну, а ты поддержи». За роялем в углу зала появился тапер, быстро подобрал нужную мелодию, и вот уже цыганский романс, который давно обрел статус русской народной песни, постепенно заполнил собой плюшевый зал. Посетители ресторана с явным интересом смотрели на нас. Между прочим, я ведь петь не умею и голоса у меня нет, но подхватила и подпеваю тебе, и все вроде ладненько звучит. Позднее, когда кто-то говорил, что ему приходилось, не умея петь, исполнять за рубежом русские песни и как это было трудно, я встревала с замечанием: «Подумаешь, а мы с Басиловым в токийском ночном ресторане исполняли для публики "Очи черные". И ничего!» Ты помнишь это? Ну, конечно, помнишь...

Бурятия, лето 1997 года. Ты первый раз здесь, сопровождаешь итальянского ученого Романо Матроматтеи, интересующегося сибирским шаманизмом. Я тоже тут в командировке по своим делам. Наши пути не надолго пересеклись. Ты уже вернулся из Тункинской долины, а я только туда собираюсь. «Знаешь, – сказал ты мечтательно, – мне так понравилась Бурятия. Какое хорошее место ты выбрала для исследований. Я бы с удовольствием еще вернулся сюда». «Нет проблем, – ответила я. – Давай будущим летом поедем вместе, да и Матроматтеи вроде бы готов к нам присоединиться».

Кто знал, что где-то уже все подсчитано и отмерено, и никакого будущего лета не будет. Почему же мне кажется, что где-то «там» мы еще съездим вместе в экспедицию...

Н.Л. Жуковская

* * *

С Володей Басиловым я впервые познакомилась в 1957 году в экспедиции. Туркменский отряд среднеазиатской экспедиции кафедры этнографии под руководством Н.Г. Борозны состоял из одних девушек. Володя был единственным юношей в нашей шумной девичьей команде. И естественно, он стал объектом нашей заботы, кокетства, влюбленности, равно как шуток и розыгрышей. Володя старался держаться солидно.

Экспедиция была учебной, мы осваивали методы полевой работы и, как правило, ходили по информаторам группами. Володя же работал один, по своей программе, беседовал с аксакалами, задерживаясь у них иногда до позднего вечера. От этой поездки у меня осталось впечатление о нем как об очень одаренном человеке: Володя писал стихи, прекрасно танцевал, великолепно чувствуя ритм, напевал модные в то время песни.

Это первое впечатление о его неординарности было подкреплено долгими годами совместной работы, совместных поездок, дружеского общения.

Помню, как вскоре после экспедиции, придя с Галей Носовой поздравить Володю с днем рождения, мы обнаружили, что все стены и дверцы книжных шкафов в его комнате были увешаны длинными бумажными свитками, испещренными иероглифами. Володя в то время собирался заниматься этнографией Китая и усиленно учил язык.

Позднее, когда этнография Средней Азии стала его основным научным интересом, Володя в короткий срок выучил тюркские языки и смог работать без переводчиков. Языки давались ему легко. Он не только прекрасно говорил по-английски, но сумел сохранить свойственную ему ироничную манеру речи.

И окончательно Володя убедил меня в своей лингвистической одаренности, вернувшись из Океании знатоком местного разговорного наречия – пиджин-инглиш, фантастической лексико-грамматической смеси меланезийского и английского. Он нередко забавлял нас, восторженных слушателей, неожиданно оживляя певучими фразами рассказы о поездке в Океанию.

На полке в моем доме лежат причудливой формы кораллы. Это – память о Володиной поездке в Океанию. Он сам срывал их, ныряя глубоко в море. Я помню, как щедро он одаривал друзей этими цветами южных морей.

Говорят, талантливый человек талантлив во всем. Это в полной мере относится к Володе. Вспомоинаю

нашу поездку в Японию на выставку «Кочевые народы Евразии». Северный остров Хоккайдо, город Асахигава, стоит морозная зима. В это время здесь традиционно проводится праздник-соревнование по ледяной скульптуре. Организаторы предлагают участвовать в них советским экспертам выставки. После недолгого совещания Володя и М.В. Крюков принимают решение: «Участвуем!» Я думаю, М.В. Крюков не обидится, если я скажу, что главным скульптором в этой команде был Владимир Басилов. Из такого хрупкого и коварного материала, как лед, ему удалось с первого раза искусно вырезать фигуру скифского оленя, в стремительном прыжке закинувшего голову, украшенную меандровым рисунком рогов. Работа проходила на улице, на ветру в двадцатипятиградусный мороз. Потом был приз, праздничный фейерверк и чествование участников.

После этой поездки мы стали дружить домами, я полюбила жену Володи, Ирину. У Володи был гостеприимный, теплый, открытый дом. Вместе с Ириной они умели принять гостей, создать необычную уютную атмосферу. Застолье прерывалось пением, танцами. Я, как и все, любила в исполнении Володи старинные романсы, он аккомпанировал себе на гитаре. Особенно запомнился мне романс «Отцвели уж давно хризантемы в саду...»

И.М. Семашко

* * *

С научным руководителем мне повезло. Это я понял сразу после моей первой встречи с Владимиром Николаевичем еще до поступления в аспирантуру Института этнологии и антропологии РАН. Как и всякий абитуриент, приехавший из глухой провинции, я чувствовал некоторую «придавленность» авторитетом академического учреждения и лично Басилова, которого я знал только по его работам. Однако первые же минуты общения с ним не оставили и следа от моих провинциальных комплексов: Владимир Николаевич не создавал дистанции между собой и собеседником, а разговаривал на равных, словно со своим не менее именитым коллегой. К концу разговора я уже начинал спорить с ним, выражать свое несогласие по некоторым вопросам. Уже потом, выйдя из здания, в котором расположен Институт, я поразился своей смелости, но в разговоре с Басиловым все казалось естественным и такое поведение не воспринималось как своего рода «дерзость».

Стиль научного руководства Владимира Николаевича не был меигорским. Он не любил ничего неестественного, напускного. Принятый им во взаимоотношениях с аспирантами стиль я бы назвал *партнерским*. Главное достоинство Басилова как научного руководителя состояло в том, что он не строил каких-то искусственных барьеров между собой и подчиненным. Отсутствие барьеров помогало создавать атмосферу подлинно научного диалога, когда каждый свободно мог высказать свою точку зрения и свободно ее отстаивать.

Еще одно достоинство Владимира Николаевича – он никогда не навязывал личного мнения по тому или иному вопросу. Будучи уверенным в собственной правоте, он тем не менее считал, что аспирант тоже должен в этом убедиться, а не слепо принимать точку зрения руководителя. Владимир Николаевич терпеливо аргументировал свое мнение, убеждал в своей правоте. Подталкивая аспиранта к самостоятельным размышлениям, он говорил: «С течением времени, поразмыслив, вы поймете, что все обстоит именно так». Надо признаться, что так все и происходило.

Владимира Николаевича отличала исключительная доброжелательность. Помню, как он вычитывал мой первый самостоятельный (но под его руководством)opus: рецензию на книгу Н.С. Бабаевой «Древние верования горных таджиков Южного Таджикистана в похоронно-поминальной обрядности (конец XIX – начало XX в.). Душанбе, 1993». Вместе с отдельным листком с замечаниями он вернул мне текст рецензии, испещренный правками. Зато в конце красной пастой было написано всего одно слово, которое стоило многих: «Молодец!»

О правках, которые делал Басилов, следует сказать особо. К вычитыванию текстов он относился очень ответственно. Замечания Владимира Николаевича всегда были деловыми, по существу. На правах научного руководителя он, наверное, мог бы изменять тексты сообразно своему видению и пониманию проблемы, проводить свои идеи. Но он с большим уважением относился к индивидуальности исследователя. Владимир Николаевич никогда не говорил: «Надо так...» или «Сделайте эдак...». Его замечания воспринимались как совет, а потому исполнялись охотно и с пониманием. Действительно, слова «*хорошо бы* начать с того-то» или «*можно* больше сказать о том-то» заставляли прежде всего подумать, а не слепо им следовать. Если

требовались разъяснение или дополнительная ссылка, Владимир Николаевич весьма корректно советовал: «Хорошо бы дать сноску...» или «Можно дать ссылку, если хотите».

Научное руководство эффективно только тогда, когда между руководителем и аспирантом существует помимо всего прочего живое общение. Эту истину Владимир Николаевич отлично понимал и делал все, чтобы уделять достаточно времени таковой форме работы с аспирантами. Я довольно часто и с удовольствием бывал у него в гостях. Он был гостеприимным хозяином, прекрасным собеседником и рассказчиком, внимательным слушателем. Неформальное общение с ним было одновременно и естественным продолжением процесса обучения. Эти частные беседы в немалой степени способствовали росту моих знаний и умений.

Мне всегда казалось странным, что Владимир Николаевич Басилов, будучи первоклассным специалистом, подготовившим немало талантливых исследователей, не имеет звания профессора. Сам же он не обращал никакого внимания на это. Погоня за званиями, наградами и поощрениями для себя лично казалась ему пустой тратой времени, в чем он был безусловно прав. Для меня он был и останется прекрасным Учителем, профессионалом высшего класса. Воскрешая в памяти образ Владимира Николаевича, я теперь понимаю, насколько не подходило бы применительно к нему суховатое и напыщенное «профессор». И насколько естественно простое и емкое – «Учитель».

А.А. Ярлыкапов

* * *

В устоявшемся и достаточно слаженном коллективе роль руководителя порой уходит на второй план и ускользает от внимания – она воспринимается как нечто само собой разумеющееся. Нам, сотрудникам отдела Средней Азии и Казахстана, которым В.Н. Басилов руководил более 10 лет, представлялось, что он так же, как и все мы, не лишен обычных человеческих слабостей и подобно многим занят прежде всего своими разнообразными проблемами. Его требования были для нас привычными, а действия и идеи – отчасти прогнозируемыми. Лишь теперь, по прошествии некоторого времени, понимаешь, что казавшееся естественным в нашем отделе благополучное положение покоилось на достаточно выверенном и сформулированном Владимиром Николаевичем для самого себя стиле руководства.

Сейчас я прихожу к мысли, что он старался устроить так, чтобы каждый из нас почувствовал свою самооценку, уважение к своим прошлым, настоящим или будущим заслугам и заинтересованность отдела в личных успехах. Помню, пару раз я пыталась узнать мнение Владимира Николаевича о способности к науке того или иного стремившегося к серьезной работе молодого человека – аспиранта или студента. «Оля, – как бы советуюсь со мной, говорил он, – есть ли у нас право лишать человека шанса? Пусть попробует, качества ученого могут обнаружиться в нем не сразу. И нам в свое время тоже кто-то дал аванс. Когда я брал вас на работу, ведь и вы были совсем "зеленой", хотя и проявляли интерес к науке».

Ему было важно, чтобы и мы настраивались на волну взаимной доброжелательности и сотрудничества, чтобы стремились дополнять друг друга, отыскивая в каждом его особые достоинства. Порой кто-нибудь из нас высказывал неудовольствие в отношении коллеги или состояния дел вообще – мол, хотелось бы чего-то большего. Владимир Николаевич с отеческой иронией разводил руками и напоминал ответ И.В. Сталина А.А. Фадееву, который сетовал на уровень взеренного ему Союзом писателей: «Других писателей у меня нет! Давайте, товарищ Фадеев, работать с теми, кто есть!»

Для В.Н. Басилова такая позиция не была чем-то надуманным – она органично вытекала из свойств его характера, из присущей ему манеры поведения, которая заключалась в неизменном внимании к тому, кто оказывался рядом с ним и спрашивал совета, помощи, участия. Вряд ли кто-нибудь вспомнит, чтобы Владимир Николаевич когда-либо не был готов к задуманной беседе о том, что волнует коллегу-собеседника. Он бывал очень занят, часто один за другим к нему шли люди, нуждавшиеся в его обществе. И каждый был ему ценен и интересен, каждому он успевал сказать что-то особенное – он угадывал как раз то, что должно было поддержать дух именно этого человека. Многих он очаровывал своим даром быть неизменно любезным и уважительным: и молодого неопытного аспиранта, вселяя в него уверенность в собственных силах, и даму, которая, независимо от возраста и состояния души, хорошеела от артистично сказанного комплимента, и маститого коллегу, находившего в В.Н. Басилове эрудированного и заинтересованного оппонента.

Его слов и присутствия ждали иногда на нескольких заседаниях сразу. Он старался успеть везде, где был нужен. Любому собранию он умел придать дополнительный вес и завершенность – так одна удачная деталь может придать завершенность художественному творению, став центром композиции.

Сказанное в его обществе приобретало особую значимость. И это не зависело от того, разделяли ли окружающие его мысли, идеи, взгляды – научные или мировоззренческие, которые он увлеченно отстаивал со свойственными ему упорством и последовательностью. Он очень хотел, чтобы его понимали и поддерживали. Бывало, однако, что глубоко волновавшие Владимира Николаевича мысли вызывали у собеседника скепсис. Чувствовалось, это удивляло и расстраивало его. Нередко кто-нибудь из нас вступал с ним в затяжные и горячие споры. Он почти по-мальчишески не любил уступать, при этом неизменно оставался верным себе, следя, чтобы в пылу дискуссии не пострадало чье-либо достоинство, и давая понять, что разные мнения – еще не повод для обиды, ссоры или административных мер. Казалось, на бестактные и неоправданно резкие вынады Владимир Николаевич реагировал немного снисходительно. Он не раз, как бы рассуждая сам с собой, формулировал простые, но запоминавшиеся правила, которые в принципе сделали бы бесконфликтным выяснение отношений. «Критика должна быть конструктивной, – произносил он с легким удивлением человека, столкнувшегося с непониманием очевидных вещей. – Какой смысл критиковать, если ты не знаешь, как помочь? Вот если у тебя есть конкретные советы, ты видишь, что здесь можно улучшить – тогда говори!» Другой его тезис – в духе Карнеги: «Нельзя делать на людях замечания знакомому или близкому человеку. Это выходит очень обидно и унижает его. Потом, когда вы окажетесь один на один, скажи все, что ты думаешь, что было по-твоему не так, он легче поймет, не обидится и отдаст должное твоему такту».

Можно сказать, что по складу своего характера, по темпераменту В.Н. Басилов был борцом. Он мог отстаивать свое мнение, интересы вверенного ему отдела решительно, я бы сказала, жестко и даже с пафосом; спокойно и без смущения шел на обострение отношений с руководством. Но он не был борцом-одиночкой. Важные черты его личности – стремление и способность привлекать к себе людей. Он апеллировал к их лучшим чувствам, надеясь найти поддержку и одобрение. В его прославленном красноречии, облеченном в строгие и выверенные выражения, было нечто завораживающее – то, благодаря чему слушатели становились его сторонниками и единомышленниками.

Этот человек обладал харизмой. Было своеобразное таинство в том, как он приходил к тому или иному решению или идее. Порой казалось, им двигали некие ускользающие от нас мотивы, лежащие вне конкретных знаний, в плоскости его собственной картины мира. Владимир Николаевич ставил точку, произнес последнее слово, и мы принимали его позицию, полагаясь не только на его опыт, но и на энергию, исходившую от личности этого человека. Он не позволял себе казаться слабым и сомневающимся. По отношению к себе он был максималистом и почти никогда не отказывался от просьб и предложений о сотрудничестве. Возможно, он брал на себя слишком многое – не все ему удавалось выполнить в срок. Будучи усталым или огорченным, он признавался, что почти завидует людям, чей жизненный девиз – не предельная собранность и самоотдача, а иное – поиск легких путей и снисхождение к себе. Владимир Николаевич в раздумье вздыхал: «Как легко живется тому, кто умеет жаловаться на свои обстоятельства начальству, кто раз от разу просит войти в его положение! О таком человеке складывается определенное представление, что ему надо помогать – и вот на тебе, он добивается своего!»

В.Н. Басилов окружил своим ореолом весь наш отдел. Пожалуй, он, обладая здоровым консерватизмом, чувствовал явственнее многих связь времен и старался не растерять в годы всеобщей переоценки понятий те незыблемые ценности и традиции, которые придавали коллективу ощущение значительности и целостности – чего-то большего, чем просто группа ученых разных поколений. Он настаивал на поддержании нашего единства и внушал нам важность сотрудничества, искал способы занять каждого работой над общим делом, придумывал сюжеты для интересных заседаний, заставлял выносить на обсуждение наши индивидуальные программы. Кто-то из нас считал это излишним, не думая о той сверхзадаче, которую ставил Владимир Николаевич. И все же он сумел передать нам многое из своих взглядов, сумел убедить, как важно для успеха любого из нас присутствие в коллективе и молодых, недавно начавших свой научный путь, и тех, чей бесценный опыт и знания накапливались в течение многих десятилетий.

Он боролся за «своих». Недаром именно в нашем отделе и сейчас работают люди, начинавшие свой научный путь в начале 1940-х годов! Порой их живые рассказы дают больше, чем книги. Владимир Николаевич понимал это как никто другой. Думаю, своей поддержкой он на много лет продлил научную деятельность наших ветеранов и дал им возможность жить в полную силу.

Совсем недавно, весной этого года, за пару месяцев до трагической гибели В.Н. Басилова, наш отдел в полном составе собрался дома у Т.А. Жданко, которая продолжает, несмотря на возраст, плодотворно работать. Это было радостное и трогательное событие. Сейчас оно представляется как бы светлым

эпилогом усилий В.Н. Басилова по созданию среди нас особой атмосферы глубокого расположения и взаимной поддержки, когда разница в возрасте и положении исчезает и возникает какое-то романтическое чувство, какое бывает в поле, когда члены экспедиции кажутся одной семьей.

О.И. Брусина

СПИСОК ОСНОВНЫХ РАБОТ доктора исторических наук ВЛАДИМИРА НИКОЛАЕВИЧА БАСИЛОВА

Книги

- Культ святых в исламе. М., 1970.
Избранники духов. М., 1984.
Шаманство у народов Средней Азии и Казахстана. М., 1992.
Ислам у казахов. М., 1997 (в соавт. с Дж.Х. Кармышевой).

Статьи, рецензии и другие работы

- О пережитках тотемизма у туркмен // Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР. Т. VII. 1963.
О туркменском «пире» дождя Буркут-Баба // Сов. этнография (далее – СЭ). 1963. № 3.
Тени святых // Наука и религия. 1964. № 9.
О происхождении культа невидимого града Китежа (монастыря) у озера Светлояр // СЭ. 1964. № 12.
К вопросу о генезисе образа Коркут-ата // Докл. сов. делегации. VII МКАЭН. М., 1964.
К вопросу о происхождении туркменских овлядов // Этническая история и современное национальное развитие народов мира. М., 1967.
Этнографическое изучение религиозных верований сельского населения // Конкретные исследования современных религиозных верований. М., 1967.
Некоторые пережитки культа предков у туркмен // СЭ. 1968. № 5.
Раздел «О религиозных верованиях туркмен в прошлом и состоянии религиозности в наши дни» в гл. «Общинная и культурная жизнь» // Васильева Г.П. Преобразование быта и этнические процессы в Северном Туркменистане. М., 1969. С. 314–333, 343–350.
Ислам и современность // Политическое самообразование. 1969. № 10.
Живая старина Хорезма (рец. на кн.: Г.П. Снесарев. Реликты домусульманских обрядов и верований у узбеков Хорезма). М., 1969 // Наука и религия. 1970. № 1.
Пережитки травестики в шаманстве узбеков Ферганы // Информационный бюллетень Ин-та научного атеизма АОН при ЦК КПСС. 1970. № 7.
Галгай – страна башен // СЭ. 1971. № 1 (в соавт. с В.Н. Кобычевым).
Пережитки колдовства у ингушей // Итоги полевых работ Ин-та этнографии в 1970 году. М., 1971. С. 120–127.
О названии озера Светлояр // Ономастика Поволжья-2. Горький, 1971.
Пережитки древних верований в среднеазиатском фольклоре // Всесоюзн. науч. сессия, посвящ. итогам полевых археологических и этнографических исследований 1970 г. Тбилиси, 1971. С. 142.
Работа Института этнографии в 1971 г. // СЭ. 1972. № 3.
Через сто лет после Маклая // СЭ. 1972. № 4.
Работа Института этнографии в 1972 г. // СЭ. 1973. № 3.
Среднеазиатское шаманство // Доклады сов. делегации. IX МКАЭН. М., 1973.
Исследования советских этнографов // Наука и человечество. 1974. С. 386–387.
Хозяйство западных туркмен-ёмудов в дореволюционный период и связанные с ним обряды и верования // Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана (Тр. Института этнографии. Т. ХСVIII). Л., 1973. С. 172–206.

- Легенда: верить или не верить? // СЭ. 1974. № 1.
 Рец. на кн.: Г.П. Снесарев. Под небом Хорезма. М., 1973 // СЭ. 1974. № 2.
- Пережитки шаманства у туркмен // Проблемы религиозного синкретизма и развития атеизма в современных условиях. Чебоксары, 1973. С. 50–52.
- Этнографическое исследование о верованиях киргизов (рец. на кн.: Т.Д. Баялиева. Доисламские верования и их пережитки у киргизов. Фрунзе, 1972.) // Изв. АН Туркменской ССР. 1974. № 1. С. 91–93 (в соавт. с А. Оразовым).
- Работа Института этнографии в 1973 г. // СЭ. 1974. № 4.
- Некоторые проблемы исследования домусульманских культов в Средней Азии // Атеизм и религия: проблемы истории и современность. М., 1974.
- «О происхождении туркмен-ата»; «Пережитки шаманства у туркмен-човдуров» (в соавт. с К. Ниязклычевым) // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М., 1975.
- Материальная культура бонгуанцев // На берегу Маклая (этнографические очерки). М., 1975.
- Работа Института этнографии в 1974 г. // СЭ. 1975. № 2.
- Традиции женского шаманства у казахов // Полевые исследования Института этнографии (далее – ПИИЭ). 1974. М., 1975. С. 115–123.
- От редакции // Там же. С. 5–9.
- Ташмат-бола // СЭ. 1975. № 5.
- Некоторые материалы о «шаманской болезни» у узбеков // Этнографические аспекты изучения народной медицины. Л., 1975. С. 21–22.
- Советская этнографическая наука в девятой пятилетке // СЭ. 1976. № 1 (в соавт. с Ю.В. Бромлеем).
- Книга об американских индейцах // Наука и человечество. 1975. М., 1976. С. 385–386.
- Рец. на кн.: L. Stein. Wandervolk der Wüste. Leipzig, 1974 // СЭ. 1976. № 2.
- Затворничество (чилля) в обряде шаманского посвящения у узбеков // Тез. Докл. на сессии, посвящ. итогам полевых этнографических и антропологических исследований в 1974–1975 гг. Душанбе, 1976. С. 189–191.
- На карте мира (рец. на кн.: П.И. Пучков. Современная география религий. М., 1975) // Наука и религия. 1976. № 6. С. 93 (в соавт. с Н. Болотиным).
- Николай-кувд // Кавказский этнографический сборник. Вып. VI. М., 1976 (в соавт. с В.П. Кобычевым).
- Итоги работы Института этнографии в 1975 г. // СЭ. 1976. № 4.
- Etnikus folyamatok parjankban kozep-Azsiaban (Современные этнические процессы в Средней Азии) // Nemzetkozi neprajzi nemzetisegkutato konferencia. Budapest-Bekescsaba, 1976. (на венгер. яз.).
- Советская этнография: итоги последних лет // Общественные науки. 1976. Б.н. (в соавт. с Ю.В. Бромлеем).
- Shamanism in Central Asia // The Realm of the Extra-Human. Agents and Audiences. Hague-Paris, 1976. P. 149–157.
- Всесоюзная тюркологическая конференция / Сов. тюркология. 1976. № 6. С. 82–97 (в соавт. с Г.Ф. Благовой, С.А. Каскабаевым, И.В. Кормушиным, Д.М. Насиловым, Т.И. Султановым).
- Этнические процессы в СССР // Наука и человечество. 1977. М., 1976. С. 380–381.
- По следам Миклухо-Маклая // Там же. С. 381.
- Рукописи майя прочтены // Там же. С. 382–383.
- Среднеазиатское шаманство в свете этнической истории региона // Этнические и историко-культурные связи тюркских народов СССР. Алма-Ата, 1976. С. 17–20.
- Итоги работ советских этнографов // Общественные науки. 1977. № 1. С. 184–185.
- Мужские дома в Бонгу // СЭ. 1977. № 6. С. 89–103.
- Итоги работ Института этнографии в 1976 г. // СЭ. 1977. № 5 (в соавт. с И.М. Семашко).
- The Study of Religions in Soviet Ethnography // Ethnography and Related Sciences. М., 1977. P. 78–97.
- Рец. на кн.: Б.Х. Кармышева. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. М., 1976 // СЭ. 1977. № 5 (в соавт. с В.П. Алексеевым).
- Всесоюзная тюркологическая конференция (Алма-Ата, 27–29 сентября 1976 г.) // СЭ. 1977. № 3 (в соавт. с Т.И. Султановым).
- Новые материалы о шаманском бубне у узбеков // ПИИЭ. 1975. М., 1977.
- Работа Института этнографии в 1977 г. // СЭ. 1978. № 4.
- Vestiges of Transvestism in Central-Asian Shamanism // Shamanism in Siberia. Budapest, 1978.
- Полевые работы советских этнографов в Океании в 1977 г. // Всесоюзн. сессия, посвящ. итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1976–1977 гг. Ереван, 1978 (в соавт. с Д.Д. Тумаркиным).
- Некоторые материалы по казахскому шаманству // ПИИЭ. 1976. М., 1978.
- Через сто лет после Маклая // Этнографы рассказывают. М., 1978.

- The Spirit World of an Uzbek Shaman // General Problems of Ethnography. М., 1978.
Soviet Ethnography in 1973–1978 // Social Sciences. 1978. Vol. IX. № 4. P. 54–62.
Рец. на кн.: Г.М. Керимов. Шариат и его социальная сущность. М., 1978 // СЭ. 1979. № 3.
Проблемы секуляризации в обществах со многими религиями // СЭ. 1979. № 4 (в соавт. с С.М. Мирхасиловым).
- Шаманизм // Каталог выставки «Кочевые народы Евразии» (на яп. яз.). Токио, 1982.
Советско-венгерский симпозиум «Сравнительное изучение ранних религий» (в соавт. с М. Хоппалом) // СЭ. 1983. № 1.
Домусульманские пережитки в сознании верующих // Ислам в СССР. М., 1983.
Статьи «Огнепоклонство», «Шаманство», «Этнос и религия», «Этноконфессиональные группы» // Научно-атеистический словарь. М., 1983.
Следы культа умирающего и воскресающего божества в христианской и мусульманской агиологии // Фольклор и историческая этнография. М., 1983.
Honourgroups in Traditional Turkmenian Society // Islam in Tribal Societies. L., 1984.
Zur Erforschung der uberreste von Schamanismus in Zentralasien // Sehnsucht nach dem Ursprung. Zu Mircea Eliade. Frankfurt a/M, 1983.
The Study of Shamanism in Soviet Ethnography // Shamanism in Eurasia. Gottingen, 1984.
The Chiltan Spirits // Shamanism in Eurasia. Gottingen, 1984.
Реконструкция шаманства древних тюрков по этнографическим материалам // Вопросы советской тюркологии. Ашхабад, 1985. С. 308–309.
«Введение», «Заключение». «Пережитки шаманства у туркмен-гёкленов», (в соавт. с Г.П. Снесаревым). // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. М., 1986.
The Shaman Drum among the Peoples of Siberia. Evolution of symbolism // Traces of the Central Asian Culture in the North. Helsinki, 1986.
New Data of Uzbek Shamanism // Besinci milletler arasi Turkoloji Kongresi. Istanbul, 1986.
Рец. на кн.: Л.А. Чибиров. Древнейшие пласты духовной культуры осетин // СЭ. 1986. № 5.
Разделы «Ислам», «Шаманизм», «Музыкальные инструменты» // On the Silk Road. Каталог выставки «На шелковом пути» (Финляндия, 1985; Швеция, 1986).
Выставка «На шелковом пути» в Швеции // СЭ. 1987. № 1.
Popular Islam in Central Asia and Kazakhstan // Central Asia. Tradition and Change. L., 1987.
Popular Islam in Central Asia and Kazakhstan // Journal Institute of Muslim Minority Affairs. Vol. VIII. January 1987.
Шаманство как ранняя форма мистицизма // Вопросы научного атеизма. Вып. 38. М., 1989.
Introduction; Jurts, Rugs and Felts (в соавт. с О. Наумовой); Household Furnishings and Utensils (в соавт. с В. Дьяконовой, В. Дьяченко, В. Курылевым); Bowed Musical Instruments; Religious Beliefs (в соавт. с Н. Жуковской) // Nomads of Eurasia. Basilov V. (ed.). Los Angeles, 1989.
Духи шаманки Момохал // Этническая история и традиционная культура народов Средней Азии и Казахстана. Нукус, 1989.
Два варианта среднеазиатского шаманства // СЭ. 1990. № 4.
Is the Shaman Sane? The Twilight of Shamanism // Shamanism Soviet Studies of traditional Religion in Siberia and Central Asia. L., 1990.
Два варианта среднеазиатского шаманства (к изучению этнической истории региона) // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Вып. 1. М., 1991.
«Скифская арфа»: древнейший смычковый инструмент? // СЭ. 1991. № 4.
The Scythian Harp and the Kazakh Kobyz // Foundation of Empire. Archaeology and Art of the Eurasian Steppes. Los Angeles, 1992.
Islamic Shamanism among Central Asian Peoples // Diogenes. № 158. Summer 1992.
Le chamanisme islamise des peuples d'Asie Centrale // Chamanes et chamanismes au seuil du nouveau millenaire. Avril-Juin 1992.
Травестизм («превращение пола») в шаманстве // Шаманизм как религия: генезис, реконструкция, традиции. Якутск, 1992.
Этнография: есть ли у нее будущее? // Этнограф. обозрение (далее – ЭО). 1992. № 4.
Религиозные воззрения древних тюрков в свете этнографических материалов // Степи Восточной Европы во взаимосвязи Востока и Запада в средневековье. Донецк, 1992.
Шаманизм как религия: генезис, реконструкция, традиции // ЭО. 1993. № 5.
Письмо в редакцию // ЭО. 1993. № 6.
Автор серии статей, отв. редактор в кн.: Свод этнографических понятий и терминов. Религиозные верования. М., 1993. Вып. 5.
Албасты // Историко-этнографические исследования по фольклору. М., 1994.

Texts of Shamanistic Invocations from Central Asia and Kazakhstan // *Ancient Traditions. Shamanism in Central Asia and America*. Denver, 1994.

Символика суфизма и народные верования // ЭО. 1994. № 6.

К 50-летию победы над германским фашизмом // ЭО. 1995. № 2.

С.А. Токарев как представитель русской культуры // *Благодарим судьбу за встречу с ним*. М., 1995.

The «Shamanic Disease» in Uzbek Folk Beliefs // *Shaman. Journal of the International Society for Shamanistic Research*. Vol. 3. № 1. Spring, 1995.

Does it Have a Future? // *Anthropology and Archaeology of Eurasia*. Winter 1994–1995. Vol. 33. № 3.

К истории юрты // *Культура кочевников на рубежах веков (XIX–XX, XX–XXI)*. Проблемы генезиса и трансформации. Алматы, 1995.

Рец. на кн.: I. Melikoff. *Sur les traces du soufisme turc. Recherches sur l'Islam populaire en Anatolie Ystambul*, 1992. // ЭО. 1995. № 3 (в соавт. с А.Г. Осиповым).

Посвящение во сне (Рассказ узбекского музыканта) // *Шалианизм и ранние религиозные представления*. М., 1995.

Ислам в жизни казахов // *Казахи*. Алматы, 1995 (в соавт. с Дж.Х. Кармышевой).

Суннат-той в ферганском кишлаке // ЭО. 1996. № 3.

Что такое шаманство? // ЭО. 1997. № 5. Рец. на кн.: Н.Э. Масанов. *Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевнического общества*. Алматы–Москва. М., 1995 // ЭО. 1996. № 5.

Традиции отечественной этнографии // ЭО. 1998. № 2.

Народная культура в исламе и задачи ее исследования // *Ислам и народная культура*. М., 1998.

Суфийская легенда о соперничестве святых // *Приаралье в древности и средневековье*. М., 1998.

Общественное мнение и национальность // *Обновление России: трудный поиск решений*. Вып. 6. М., 1998; *Россия – тюрьма народов? // Российская цивилизация. Этнокультурные и духовные аспекты*. М., 1998.